

Исследовательская статья

DOI: 10.22363/2313-1683-2019-16-2-127-146

УДК 159.9.072

Взаимосвязь личностной идентичности и временной перспективы личности больных алкоголизмом: кросс-культурный аспект

П.Д. Игнатьев¹, А.В. Трусова^{1,2}¹ Санкт-Петербургский государственный университет*Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7—9*² Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и неврологии
имени В.М. Бехтерева*Российская Федерация, 192019, Санкт-Петербург, ул. Бехтерева, 3*

В статье представлены результаты оригинального кросс-культурного исследования личностной идентичности и временной перспективы личности больных алкоголизмом. На материале двух обследованных групп пациентов Центрального ($N = 79$) и Арктического регионов ($N = 66$) России при помощи батареи методик — теста 20 утверждений М. Куна и Т. Макпартленда, опросника временной перспективы F. Zimbardo (ZTPI), семантического дифференциала времени, опросника мотивации потребления алкоголя В.Ю. Завьялова (МПА) — были выявлены и описаны региональные различия в структуре личностной идентичности, временных ориентациях. По результатам клинико-психологического исследования обнаружено, что у лиц, зависимых от алкоголя, значимой является рефлексивная идентичность, ориентация на «негативное прошлое», с одновременным рассмотрением прошлого и будущего в категориях «активности», «эмоциональной окрашенности», «величины», ведущими мотивами являются гедонистические, атарактические, гиперактивации поведения. При этом в идентификационной матрице пациентов Санкт-Петербурга значимо присутствует коммуникативная идентичность, «ощущаемость» всего психологического времени, а также псевдокультурный мотив, обуславливающий злоупотребление алкоголем. В группе пациентов Якутска значимо выражена ориентация на «фаталистическое настоящее» при «структурированности» прошлого, настоящего и будущего. Показаны взаимосвязи между различными аспектами личностной идентичности и временной перспективы, а также иерархия мотивов у больных алкоголизмом в социокультурном контексте. Корреляционные паттерны между идентификационными характеристиками и временной перспективой имеют значимые различия в двух исследованных группах. Полученные данные отражают социальную специфику центральных регионов, а также культурные особенности северных народов с присущим им стремлением к избеганию неопределенности. На основании полученных данных сделан вывод о значении социально-психологических факторов в этиопатогенезе алкогольной зависимости.

Ключевые слова: личностная идентичность; образ «Я»; временная перспектива; алкогольная зависимость; кросс-культурное исследование; Арктический регион

© Игнатьев П.Д., Трусова А.В., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Введение

В настоящее время исследованию медико-психологических механизмов возникновения, развития и динамики алкогольной зависимости посвящено большое количество работ. Особый интерес представляет изучение личностной идентичности как одной из фундаментальных проблем различных отраслей психологической науки. Наряду с рассмотрением становления и формирования личностной идентичности в современных условиях, характеризующихся интенсивностью развития, динамизмом, неопределенностью, социально-экономической, политической нестабильностью, особенно остро стоит вопрос анализа изменений образа «Я» в ситуации болезни и аномалий психики. Вместе с тем, особую актуальность для современной психиатрии, наркологии, клинической психологии приобретает анализ кросс-культурных аспектов зависимого поведения, а именно оценка этнического и национального факторов в этиопатогенезе алкоголизма.

В психологической науке понятие личностной идентичности рассматривается в тесной связи с самосознанием как интегративным целым внешнего и внутреннего «Я», определяемым процессами самоотождествления и принятия себя (Mead, 1964; Чеснокова, 1977; Орлов, 2000); самоотношением как многоуровневой системой эмоционально-оценочного отношения к себе, выражением личностного смысла «Я» (Столин, 1983; Пантилеев, 1991); «Я-концепцией», или образом «Я», — относительно устойчивой, рефлексивной частью личности, выраженной совокупностью обобщенных представлений субъекта о самом себе (Ericson, 1968; Marcia, 1980; Кон, 1984; Tajfel, Turner, 1985). Изучением социальной идентичности, а также ее различных аспектов занимались G.M. Breakwell (1986), J.C. Turner (2010), Г.М. Андреева (2000), Е.П. Белинская (2003), Т.К. Стефаненко (2004) и др.

Идентичность представляется как динамический процесс самоопределения личности, развитие и изменение которой обусловлено активным взаимодействием с миром, социальными отношениями, рефлексивными процессами человека. Переживание идентичности выражается в субъективном чувстве принадлежности, тождественности самому себе. Единым для различных походов в рассмотрении личностной идентичности является социальный контекст ее происхождения, мотивационная, регуляторная стороны, а также темпоральный аспект образования интегративного образа «Я» в рамках психологического времени личности. Выделение связи в системе «идентичность личности — время» обусловлено тем, что вместе с видением настоящего человек имеет опасения, надежды, цели, проекты, локализованные в будущем, а также определенное психологическое прошлое. В данной трактовке, временная перспектива, отражая мотивы, установки, ценностные ориентации, образует содержательные компоненты личности и «Я».

Ж. Нюттен (1985), рассматривая временную перспективу в качестве мотивационной переменной, определяет ее как последовательность событий на временном интервале, представленную в сознании человека в определенный момент времени. Интеграция когнитивной репрезентации времени, временной установки ориентации отражает восприятие действий, а также собственной личности в настоящем в связи с прошлым и будущим. Причинно-целевой подход в рассмо-

тренинги временной перспективы Е.И. Головаха и А.А. Кроника (1988) также предполагает, что психологическое время личности составляет личностно осмысленная межсобытийная связь между прошлым, настоящим и будущим.

По мнению Р. Zimbardo (2010), временная перспектива представляет собой «неосознаваемое отношение человека к времени, а также процесс, в рамках которого течение потока существования объединяется во временные категории в целях структурирования, упорядочивания жизни». Личностная позиция по отношению ко времени в виде отношения, оценки прошлого позволяет выстраивать образ будущего, а также собственного «Я» в рамках жизненного пространства настоящего, включающего систему ценностей, убеждений, мировоззрения.

Кроме того, в анализе темпоральной организации образа «Я» следует подчеркнуть особенности условий развития личности в социокультурной среде, в рамках которой протекают социализация, инкультурация, освоение норм и стратегий жизненного пути. Специфика заключается в усвоении существующего в культуре ценностного отношения ко времени, а также дифференцированных образов прошлого, настоящего и будущего, что отражает характер культурального менталитета и идентичности (Мажуль, 2011; Проконич и др., 2012; Кузнецова, Стрелков, 2015). В рамках социально-психологического изучения динамических процессов и структуры отношения ко времени в различных социальных группах Т.А. Нестик (2014) выделяет кросс-культурный подход к анализу особенностей восприятия, переживания, организации времени в результате взаимодействия членов определенной этнокультурной группы. Время рассматривается как коллективные представления и особенности отношения к прошлому и будущему сквозь призму культурной детерминации, имеющее непосредственную связь с успешной адаптацией и выполнением деятельности.

Таким образом, наряду с формированием идентичности в процессе самопознания, общения и деятельности, авторы подчеркивают, что осознание субъективного времени является также важной составляющей построения образа «Я» и формирования нового отношения к самому себе. Процесс развития личности представлен в перспективной идентичности, а именно проекции образов возможного социального и индивидуального «Я» в будущее.

Несмотря на важность изучения различных характеристик личности с точки зрения решения задач профилактики и терапии, сравнительно небольшое количество работ посвящено изучению идентичности личности зависимых от алкоголя.

Патологические изменения структуры личности при алкоголизме обнаруживаются в трансформации мотивационно-потребностной, аффективной, когнитивной сфер, а также самосознания (Братусь, 1974; Зейгарник, 1981; Короленко, Завьялов, 1987 и др.). При алкогольной зависимости одним из условий изменения личности и самовосприятия является внутренняя картина болезни как личностно-детерминированный процесс преобразования и реконструкции образа «Я» в ситуации заболевания (Лурия, 1977; Вассерман и др., 1993; Сафуанов и др., 2011 и др.).

В контексте изучения зависимого поведения Ц.П. Короленко и Н.В. Дмитриева (2001) выделяют феномен аддиктивной идентичности, представляющий собой

социально-психологическое образование, формирующееся в процессе социализации, а также интеграции субъективного опыта и индивидуальных особенностей личности, сопровождающееся уходом от реальности при помощи объекта аддикции и стойкой эмоциональной фиксации на его специфических эффектах. Становление аддиктивной идентичности возникает в результате кризиса идентичности, при котором построение «патологического» представления о самом себе позволяет преодолевать диффузию и спутанность ролей за счет фиксации сознания на аддиктивных агентах (Короленко, Дмитриева, Загоруйко, 2007).

Исследование Н.Л. Ивановой, В.Б. Никишиной, Е.А. Петраш и И. Верес (2017) показало, что аддиктивная идентичность больных алкоголизмом отличается несогласованием внутренней организации, непринятием других, интернальностью, отсутствием стремления к доминированию, нарушением процесса самоактуализации, отсутствием познавательных потребностей, креативности.

Аддиктивная идентичность также рассматривалась в рамках модели «восстановления социальной идентичности» D. Frings, I. Albery (2015), которая предполагает изменение идентичности «зависимого» за счет смещения отождествления себя с группой, разделяющей нормы и ценности, связанные с употреблением психоактивных веществ (ПАВ), к принадлежности группе поощряющих здоровый образ жизни и воздержание.

Результаты исследований М. Beckwith с соав. (2015), G.A. Dingle с соав. (2015), D. Frings с соав. (2019) показали, что во взаимодействии с группами взаимопомощи трансформация идентичности, связанной с употреблением алкоголя, основана на конструировании новой «здоровой» социальной идентичности за счет включения семейных, учебных, трудовых ролей и т.д. По данным D. Frings, L. Melichar, I.P. Albery (2016), K.P. Lindgren с соав. (2016), идентичность зависимых (представление о себе как об аддикте) связана с большей частотой и количеством употребляемого алкоголя, а также различными проблемами, возникающими вследствие приема ПАВ.

Исходя из вышеизложенного, изучение кросс-культурных особенностей личностной идентичности и восприятия психологического времени при алкоголизме является перспективным направлением эмпирических изысканий, что обусловлено недостатком данных о роли социально-психологических и этнокультурных факторов в клинике алкогольной зависимости, а также необходимостью разработок психопрофилактических и терапевтических мер аддиктивных нарушений с учетом специфики региональной и национальной принадлежности.

Материалы и методы исследования

Целью исследования являлся сравнительный анализ кросс-культурных различий структуры идентичности, содержательных компонентов собственного «Я» во взаимосвязи с временной перспективой личности при алкоголизме у пациентов Санкт-Петербурга (группа 1) и Республики Саха (Якутия) (группа 2).

В исследовании приняло участие 145 пациентов с установленным диагнозом F10.2 «Алкогольная зависимость» в соответствии с МКБ-10. Данные пациенты проходили лечение алкогольной зависимости в наркологических клиниках Национального медицинского исследовательского центра психиатрии и неврологии

имени В.М. Бехтерева (НМИЦ ПН имени В.М. Бехтерева) и ГБУ РС (Я) «Якутский республиканский наркологический диспансер».

Критерии включения в выборку: возраст от 18 до 50 лет; установленный лечащим врачом психиатром-наркологом диагноз «Синдром зависимости от алкоголя» (F10.2) в соответствии МКБ-10; свободное владение русским языком. Критериями исключения являлись: некупированные проявления алкогольного абстинентного синдрома; выраженные когнитивные дисфункции, соматические и психические коморбидные расстройства; прохождение курса интенсивной фармакологической терапии, изменяющий течение и характер психических процессов и состояний.

Все испытуемые подписывали информированное согласие на добровольное участие в исследовании, одобренное этическим комитетом Санкт-Петербургского государственного университета.

Данные, касающиеся социальных и клинических характеристик пациентов с алкогольной зависимостью в двух исследованных группах, представлены в табл. 1.

Таблица 1/Table 1

Социальные и клиничко-anamnestические данные больных алкоголизмом, участвовавших в исследовании
[Social and clinical-anamnesic data of patients with alcoholism participating in the study]

Показатели		Группа 1 (N = 79)		Группа 2 (N = 66)		χ^2 -Пирсона	p																																																																																																																																		
Пол (N, %)	Мужской	61	77,2	35	53	9,40	0,002																																																																																																																																		
	Женский	18	22,8	31	47			Национальность (N, %)	Русские	79	100	15	22,7	94,16	0,000	Якуты	0	0	46	69,7	Эвены	0	0	5	7,6	Возраст (M ± SD)		41,32	8,20	39,89	9,69	0,96	0,336	Возраст формирования синдрома отмены алкоголя (M ± SD)		30,26	7,21	29,07	9,70	0,84	0,399	Форма употребления (N, %)	Постоянная	43	54,4	43	65,2	2,94	0,230	Периодическая	25	31,6	19	28,8	Перебегающая	11	13,9	4	6,1	Госпитализация (N, %)	Первичная	49	62	29	43,9	4,73	0,030	Повторная	30	38	37	51,1	Лечение в прошлом (N, %)	Амбулаторное	20	25,3	4	6,1	18,73	0,000	Стационарное	16	20,3	33	50	Амбулаторное и стационарное	12	15,2	6	9,1	Не обращались		31	39,2	23	34,8			Наследственная отягощенность алкоголизмом (N, %)	Достоверно имеется	56	70,9	47	71,2	0,00	0,966	Черепно-мозговые травмы (N, %)	Неизвестно	23	29,1	19	28,8	1,22	0,268	Достоверно имеются	37	46,8	37	56,1	Средняя продолжительность ремиссии (месяцы) (Me — Q3 — Q1)	Неизвестно	42	53,2	29	43,9	2558,50	0,841	Достоверно имеются	3,00	9,00	4,00	8,25	Максимальная продолжительность ремиссии (месяцы) (Me — Q3 — Q1)		6,00	12,00	6,00
Национальность (N, %)	Русские	79	100	15	22,7	94,16	0,000																																																																																																																																		
	Якуты	0	0	46	69,7																																																																																																																																				
	Эвены	0	0	5	7,6																																																																																																																																				
Возраст (M ± SD)		41,32	8,20	39,89	9,69	0,96	0,336																																																																																																																																		
Возраст формирования синдрома отмены алкоголя (M ± SD)		30,26	7,21	29,07	9,70	0,84	0,399																																																																																																																																		
Форма употребления (N, %)	Постоянная	43	54,4	43	65,2	2,94	0,230																																																																																																																																		
	Периодическая	25	31,6	19	28,8																																																																																																																																				
	Перебегающая	11	13,9	4	6,1																																																																																																																																				
Госпитализация (N, %)	Первичная	49	62	29	43,9	4,73	0,030																																																																																																																																		
	Повторная	30	38	37	51,1																																																																																																																																				
Лечение в прошлом (N, %)	Амбулаторное	20	25,3	4	6,1	18,73	0,000																																																																																																																																		
	Стационарное	16	20,3	33	50																																																																																																																																				
	Амбулаторное и стационарное	12	15,2	6	9,1																																																																																																																																				
Не обращались		31	39,2	23	34,8																																																																																																																																				
	Наследственная отягощенность алкоголизмом (N, %)	Достоверно имеется	56	70,9	47	71,2	0,00	0,966																																																																																																																																	
Черепно-мозговые травмы (N, %)	Неизвестно	23	29,1	19	28,8	1,22	0,268																																																																																																																																		
	Достоверно имеются	37	46,8	37	56,1																																																																																																																																				
Средняя продолжительность ремиссии (месяцы) (Me — Q3 — Q1)	Неизвестно	42	53,2	29	43,9	2558,50	0,841																																																																																																																																		
	Достоверно имеются	3,00	9,00	4,00	8,25																																																																																																																																				
Максимальная продолжительность ремиссии (месяцы) (Me — Q3 — Q1)		6,00	12,00	6,00	16,50	2514,50	0,702																																																																																																																																		

Примечание. Статистически значимые различия выделены полужирным шрифтом.

Как следует из табл. 1, значимые различия между исследуемыми группами были обнаружены по гендерному признаку: в группе 1 большинство обследованных — мужчины (77,2 %), в группе 2 перевес мужчин менее значительный (53 %). По этническому составу в группе 1 все пациенты являлись русскими, в группе 2 преобладают якуты. В клинических характеристиках выборок были обнаружены различия по данным порядка госпитализации: в группе 1 больше пациентов обратившихся впервые, в группе 2 — проходивших лечение повторно. По форме лечения амбулаторное лечение проходили достоверно чаще пациенты группы 1, стационарное — достоверно чаще в группе 2, амбулаторное и стационарное больше проходили в группе 1, не обращались в медицинские учреждения также чаще в группе 1. При определении уровня значимости существенных возрастных различий по региональному и национальному признакам не было обнаружено.

В соответствии с целью были использованы следующие методы и методики исследования.

1. Для исследования идентичности и уровня развития рефлексии использовался оригинальный тест М. Куна, Т. Макпартленда из 20 утверждений, предполагающий нестандартизированное описание собственной личности на основе самовосприятия с последующим выделением общих компонентов идентичности: Социальное «Я», Коммуникативное «Я», Материальное «Я», Деятельное «Я», Физическое «Я», Перспективное «Я», Рефлексивное «Я», а также уровня рефлексии на основе общего количества ответов респондентов.

2. Для изучения временной перспективы личности были использованы:

а) Опросник временной перспективы F. Zimbardo (ZTPI) в русскоязычной адаптации А. Сырцовой, Е.Т. Соколовой, О.В. Митиной (Сырцова, 2008), диагностирующий 5 временных ориентаций: фактор негативного прошлого, фактор позитивного прошлого, фактор гедонистического настоящего, фактор фаталистического настоящего, фактор будущего, на основе расчета среднего значения по данным шкалам оценивалась сбалансированность временной перспективы;

б) Семантический дифференциал времени (Вассерман с соавт., 2005), оценивающий когнитивные и эмоциональные аспекты субъективного восприятия психологического времени. Методика включает в себя 25 пар прилагательных, значения которых варьируются от положительных до отрицательных оценок, образующих 5 факторов времени (оцениваются отдельно для прошлого, настоящего, будущего):

— *активность*: дескрипторы «активное — пассивное», «напряженное — расслабленное», «стремительное — застывшее», «плотное — пустое», «изменчивое — постоянное»;

— *эмоциональная окраска*: дескрипторы «радостное — печальное», «яркое — тусклое», «спокойное — тревожное», «цветное — серое», «светлое — темное»;

— *величина*: дескрипторы «длительное — мгновенное», «большое — маленькое», «объемное — плоское», «широкое — узкое», «глубокое — мелкое»;

— *структура*: дескрипторы «понятное — непонятное», «неделимое — делимое», «непрерывное — прерывное», «обратимое — необратимое», «ритмичное — неритмичное»;

— *ощущаемость*: дескрипторы «близкое — далекое», «реальное — кажущееся», «общее — частное», «ощущаемое — неощущаемое», «открытое — замкнутое».

Полученные результаты могут быть сопоставлены с нормативными значениями (см. Вассерман и др., 2005).

3. Дополнительно анализировались структура и иерархия алкогольных мотивов с помощью опросника мотивации потребления алкоголя (МПА) В.Ю. Завьялова (1988). Методика включает 9 шкал, образующих 3 группы мотивов приема алкоголя:

1) социально-психологические мотивы, состоящие из триады следующих шкал: традиционные, субмиссивные, псевдокультурные;

2) личностные мотивы, состоящие из триады шкал: гедонистические, атарактические, гиперактивации поведения;

3) патологические мотивы, состоящие из следующей триады: похмельные, аддиктивные, мотивы самоповреждения.

Высокие значения по шкалам свидетельствуют о значимости данных мотивов для испытуемых. Сумма баллов по всем шкалам отражает напряженность алкогольной мотивации: до 35 баллов — отсутствие злоупотребления алкоголем, от 35 до 50 баллов — проявление злоупотребления алкоголем, более 50 баллов — болезненное пристрастие, злоупотребление.

Статистическая обработка полученных результатов проводилась с помощью пакета программ SPSS на основе проверки выборки на нормальность распределения по λ -критерию Колмогорова — Смирнова с использованием методов расчета средних значений и стандартного отклонения при нормальном распределении данных ($M \pm SD$), медианы и межквартильного размаха при ненормальном распределении данных ($Me - Q3 - Q1$); анализа частот с помощью χ^2 -Пирсона; рангового корреляционного анализа Спирмена; анализа значимости различий с помощью t-критерия Стьюдента для независимых выборок (при нормальном распределении данных), U-критерия Манна — Уитни (при ненормальном распределении данных).

Результаты исследования и их обсуждение

Исследование идентичности личности

На основе качественного анализа и классификации ответов испытуемых на обобщенные компоненты идентичности с последующим ранжированием была установлена следующая иерархия сфер собственного «Я» (табл. 2): в обеих группах ведущей является сфера Рефлексивного «Я», что отражает поглощенность собственной личностью, внутренним содержанием сознания. Далее следует социальная идентичность (Социальное «Я»), представленная в виде отнесения себя к определенной категории людей, чувстве принадлежности и общности с группой. Деятельный компонент (Деятельное «Я») представлен в структуре идентичности в виде описания собственных навыков, умений, способностей; малое количество ответов, вероятно, связано со снижением трудового статуса. Слабо выражены компоненты Физического и Коммуникативного «Я», при этом стремление к выделению себя в качестве субъекта общения статистически значимо характерно

для группы 1. Компоненты Материального и Перспективного «Я» в двух обследованных группах отсутствуют. По общему количеству ответов испытуемых проводилась оценка уровня развития рефлексии. Во всей обследованной выборке уровень рефлексии соответствует норме.

Таблица 2/ Table 2

Компоненты идентичности (тест М. Куна, Т. Макпартленда)
[Identity Components by M. Kuhn & T. McPartland test]

Компоненты идентичности	Группа 1 (Санкт-Петербург)		Группа 2 (Якутск)		U-критерий Манна — Уитни	
	Me	Q3 — Q1	Me	Q3 — Q1	U	p
Рефлексивное «Я»	10,00	5,00	7,00	7,50	2263,00	0,171
Социальное «Я»	3,00	5,00	3,00	4,25	2491,50	0,643
Деятельное «Я»	2,00	4,00	1,00	3,00	2269,00	0,172
Физическое «Я»	1,00	2,00	1,00	2,00	2594,00	0,957
Коммуникативное «Я»	1,00	1,00	0,00	1,00	2102,50	0,026
Материальное «Я»	0,00	1,00	0,00	1,00	2498,00	0,628
Перспективное «Я»	0,00	0,00	0,00	1,25	2238,00	0,056
Σ ответов/уровень рефлексии	20,00	0,00	20,00	0,25	2367,50	0,173

Примечание. Статистически значимые различия выделены полужирным шрифтом.

Итак, матрица идентификационных характеристик содержательных компонентов собственного «Я» больных алкогольной зависимостью очень похожа в двух обследованных выборках: ведущей является сфера Рефлексивного «Я», отражающая субъективную значимость содержания собственной личности, направленность на самого себя. Субъективная значимость собственной личности может рассматриваться как склонность к взаимодействию и утверждению персональной идентичности во внешнем мире с целью достижения ощущения ценности собственной личности и значимости для других. Далее следуют социальные стороны собственной личности с выделением различных социальных ролей, отнесением себя к различным категориям людей, а также Деятельное «Я» в виде эмоционально окрашенного отношения к наличным умениям и навыкам. Социальный и деятельный компоненты представлены значительно ниже, что может свидетельствовать о постепенном выпадении из системы социальных и производственных отношений. Не выраженными являются Материальное «Я» и Перспективное «Я». При анализе кросс-культурных различий установлено, что в структуре идентичности пациентов Санкт-Петербурга значимо выше представлено Коммуникативное «Я». То есть, рассмотрение себя как субъекта общения может быть обусловлено спецификой социальной среды, предполагающей высокую плотность населения, предъявляющей повышенные требования к коммуникативной компетентности.

Исследование временной перспективы

В результате анализа результатов исследования временной перспективы по методу ZТPI (табл. 3) установлено, что в двух исследуемых группах не наблюда-

ются различий показателей по шкалам «негативное прошлое», «гедонистическое настоящее», «будущее», значения «позитивное прошлое», «сбалансированность временной перспективы» находятся в пределах средних значений, за исключением «негативного прошлого», превышающего нормативные показатели (по данным Сырцовой и др., 2008). Статистически более высокие значения по параметрам «фаталистическое настоящее» и «сбалансированность временной перспективы» наблюдаются в группе 2.

Таблица 3/ Table 3

Показатели временной перспективы (методика ZPTI)
[Indicators of time perspective by ZPTI]

Шкалы опросника	Группа 1 (Санкт-Петербург)		Группа 2 (Якутск)		t-критерий Стьюдента	
	M	SD	M	SD	t	p
Негативное прошлое	3,44	0,72	3,52	0,68	-0,68	0,234
Гедонистическое настоящее	3,46	0,45	3,45	0,61	0,16	0,869
Будущее	3,66	0,56	3,63	0,59	0,35	0,724
Позитивное прошлое	3,72	0,61	3,70	0,65	0,20	0,842
Фаталистическое настоящее	2,79	0,72	3,24	0,65	-3,94	0,000
Сбалансированность временной перспективы	2,51	0,75	2,86	0,69	-2,90	0,004

Примечание. Статистически значимые различия выделены полужирным шрифтом.

Необходимо отметить, что в обеих группах высокие значения наблюдаются по шкале «негативное прошлое». Прошлое видится как отрицательное, наполненное болезненными, травматичными событиями, что сопровождается переживанием различных негативных эмоций, таких как вина, стыд, фрустрация и т.д., и, вероятно, может рассматриваться как условие злоупотребления алкоголем. При анализе кросс-культурных различий в группе пациентов из Якутска была обнаружена ориентация на «фаталистическое настоящее», а также пониженная «сбалансированность временной перспективы». Пережитые психические травмы, закономерно сопровождающиеся отрицательными эмоциями, порождают чувство беспомощности и бессилия, отрицательно отражаются на актуальных жизненных событиях, определяют их фаталистичность и безысходность, равно как и сниженную «сбалансированность временной перспективы». Возможно, что подобная дифференциация может быть следствием избегания неопределенности (Hofstede, 1980), характерного для жителей северных регионов. Народ саха имеет специфические исторически сложившиеся культурные особенности, определяемые традициями, обычаями, ценностями. Подобный самобытный уклад жизни подчинен ряду правил, регламентирующих поведение, социальные отношения, нарушение которых приводит к психическому стрессу. То есть несинхронизированное психологическое время, а также фиксация на модусе фаталистического настоящего отражают комфортность существования в устоявшихся условиях. В контексте зависимости, подобная ригидность поведенческих стереотипов может рассматриваться как фактор, препятствующий отказу от употребления алкоголя.

В результате анализа факторов временной перспективы по методу семантического дифференциала времени (СДВ) были обнаружены вариативность изучаемых показателей и существенные региональные различия между двумя группами (табл. 4).

Таблица 4/Table 4

Показатели семантического дифференциала времени
[Semantic Time Differential Indicators]

Факторы времени		Группа 1 (Санкт-Петербург)		Группа 2 (Якутск)		t-критерий Стьюдента	
		М	SD	М	SD	t	p
Настоящее	Активность	1,72	6,60	5,80	7,33	-3,52	0,001
	Эмоциональная окраска	1,97	7,66	6,00	8,27	-3,03	0,003
	Величина	4,86	6,64	8,92	7,44	-3,47	0,001
	Структура	2,43	6,67	8,68	8,87	-4,83	0,000
	Ощущаемость	2,78	5,23	-0,72	6,87	3,48	0,001
Средняя оценка факторов настоящего		2,75	5,06	5,73	5,87	-3,28	0,001
Прошлое	Активность	7,06	5,25	6,22	5,02	0,97	0,332
	Эмоциональная окраска	7,11	5,76	6,31	6,95	-0,75	0,452
	Величина	7,31	5,60	7,74	8,13	-0,37	0,711
	Структура	4,72	6,81	7,33	8,79	-2,01	0,046
	Ощущаемость	4,51	4,97	-2,00	6,90	6,59	0,000
Средняя оценка факторов прошлого		6,14	4,32	5,12	5,20	1,29	0,198
Будущее	Активность	6,68	5,17	7,77	4,67	-1,31	0,189
	Эмоциональная окраска	7,72	5,02	6,36	6,21	1,45	0,148
	Величина	8,96	5,97	10,37	5,12	-1,51	0,132
	Структура	5,97	6,43	8,65	6,48	-2,48	0,014
	Ощущаемость	2,86	5,12	-1,61	7,54	4,23	0,000
Средняя оценка факторов будущего		6,44	4,38	6,30	4,42	0,17	0,858

Примечание. Статистически значимые различия выделены полужирным шрифтом.

При сравнении факторов временного модуса «настоящее» в группе 2 статистически значимо выше значения по параметрам «активность», «эмоциональная окраска», «величина», «структурированность», данные значения находятся в пределах высоких по сравнению с нормативной выборкой (Вассерман и др., 2005). Показатель «ощущаемости» является низким в обеих группах, при этом он статистически значимо ниже в группе 2.

Данные по факторам временного модуса «прошлое», а именно «активность», «эмоциональная окраска», «величина», «структурированность», в обеих группах находятся в пределах высоких значений по сравнению с нормативной выборкой больных эндогенной и невротической депрессией (Вассерман и др., 2005), при этом в группе 2 прошлое статистически значимо более структурировано, но менее «ощущаемо» по сравнению с группой 1.

Факторы «активность», «эмоциональная окраска», «величина», «структурированность» временного модуса «будущее» в обеих обследованных выборках также

находятся в пределах высоких значений, при этом «структурированность» значимо выше, а «ощущаемость» значимо ниже в группе 2.

Общим для обеих групп больных алкоголизмом является выраженность в пределах высоких значений таких факторов прошлого и будущего, как «активность», «эмоциональная окраска», «величина». Обращают на себя внимание следующие различия: в группе пациентов из Санкт-Петербурга значимо представлен фактор «ощущаемости» прошлого и будущего временных континуумов при его низком значении в настоящем. Это может говорить об отсутствии связи с текущим моментом, восприятию реальности как чего-то абстрактного и эфемерного, а также о негативном отношении к настоящему при одновременной «доступности» прошлого и будущего и активного взаимодействия с ними. В группе пациентов из Якутска выражен фактор «структурированности» всего психологического времени, при этом актуальный момент является более насыщенным с точки зрения динамизма, эмоционального насыщения, наполнения, а время, характеризующееся в категориях упорядоченности и размеренности, представлено в виде цепи последовательных прогнозируемых событий. С точки зрения социокультурных факторов подобная дифференциация, вероятно, может быть обусловлена особенностями таких социальных явлений, как урбанистические процессы. Это выражается в том, что для жителей мегаполисов при переживании интенсивной модернизации и перехода к индустриальному обществу возрастает значимость времени, необходимости его учета и контроля, ощущаемости в виде существенного «влияния» на жизнь. В то же время для жителей отдаленных регионов преобладающим является традиционный тип, отличающийся размеренным, упорядоченным с точки зрения подчинения определенному ритму образом жизни.

Исследование аддиктивной мотивации

По данным сравнительного анализа структуры мотивов употребления алкоголя (табл. 5) обнаружено, что в двух исследуемых группах доминирующими являются личностные мотивы, а именно «атарактический», «гедонистический», «гиперактивационный». Далее по выраженности следуют социально-патологические мотивы («традиционная» мотивация, а также патологический «похмельный» мотив). Слабо выраженными являются мотив самоповреждения и субмиссивная мотивация. Общий суммарный показатель превышает средние значения, что свидетельствует о сформированном патологическом влечении, болезненном пристрастии к употреблению алкогольных веществ в обеих обследованных выборках. При анализе межгрупповых различий установлено, что псевдокультурная мотивация питья статистически значимо выше в группе пациентов из Санкт-Петербурга. Вероятно, что в данном случае стремление к приобщению субъективного опыта к алкогольным ценностям социальной микросреды путем повышения осведомленности о различных видах алкогольных веществ, способов приготовления напитков, ритуализации приема алкоголя является попыткой сокрытия и маскировки истинных патологических мотивов употребления в силу негативных стигматизирующих стереотипов со стороны общества.

Таблица 5/ Table 5

**Показатели мотивов употребления алкоголя
[Indicators of alcohol use motives]**

Мотивы	Группа 1 (Санкт-Петербург)		Группа 2 (Якутск)		t-критерий Стьюдента	
	M	SD	M	SD	t	p
Традиционные	8,02	3,74	8,57	3,85	-0,87	0,386
Субмиссивные	5,62	4,36	5,90	3,91	-0,41	0,678
Псевдокультурные	6,98	3,98	5,28	3,43	2,72	0,007
Гедонистические	9,59	3,93	9,25	4,19	0,49	0,619
Атарактические	9,75	4,40	10,71	4,25	-1,31	0,190
Гиперактивационные	8,70	4,48	8,72	4,65	-0,02	0,981
Похмельные	7,39	4,16	7,19	4,24	0,27	0,781
Аддиктивные	6,40	4,08	6,80	5,10	-0,51	0,606
Самоповреждающие	4,30	4,84	4,56	4,43	-0,33	0,742
Сумма(Σ)	66,84	20,35	67,03	29,48	-0,04	0,965

Примечание. Статистически значимые различия выделены полужирным шрифтом.

**Результаты корреляционного анализа компонентов идентичности
с параметрами временной перспективы личности**

Результаты корреляционного анализа различных компонентов идентичности с факторами временной перспективы личности и побудительной системой мотивов употребления алкоголя внутри каждой из групп представлены в табл. 6 и 7. В таблицы не включены шкалы и показатели, по которым не выявлено значимых корреляций ($p > 0,05$).

Таблица 6/ Table 6

**Коэффициенты корреляции идентификационных характеристик с параметрами временной
перспективы и мотивационными показателями в группе 1 (Санкт-Петербург)
[Spearman correlations between identity indicators, time perspective
and motivational parameters in Group 1 (Saint Petersburg)]**

Методики	Шкалы	Компоненты идентичности				
		Социальное «Я»	Материальное «Я»	Деятельное «Я»	Перспективное «Я»	Рефлексивное «Я»
ZTRI	Будущее	,231*	,295**	,157	-,244*	-,303**
СДВ	Активность будущего	-,034	,069	,258*	,022	-,076
	Эмоциональная окраска будущего	,000	-,087	,122	-,238*	,073
	Структурированное настоящее	,013	-,239*	,053	-,256*	,064
	Ощущаемость настоящего	,138	-,039	-,018	,031	-,249*
МПА	Гиперактивация	-,167	,012	-,123	,240*	,087
	Самоповреждение	-,185	-,126	,085	-,051	,257
	Сумма	-,263*	-,110	-,106	,227*	,238*

Примечания. В таблицу не включены шкалы и параметры, по которым нет статистически значимых корреляций. Нули в коэффициентах опущены. * — $p \leq 0,05$; ** — $p \leq 0,01$.

Таблица 7/ Table 7

**Коэффициенты корреляции идентификационных характеристик с параметрами
временной перспективы и мотивационными показателями в группе 2 (Якутск)
[Spearman correlations between identity indicators, time perspective
and motivational parameters in Group 2 (Yakutsk)]**

Методики	Шкалы	Компоненты идентичности					Уровень рефлексии
		Коммуникативное «Я»	Материальное «Я»	Физическое «Я»	Перспективное «Я»	Рефлексивное «Я»	
ZPI	Негативное прошлое	-,266*	-,039	,057	-,149	,253*	-,076
	Гедонистическое настоящее	,091	-,257*	,033	-,028	,115	,012
СДВ	Величина прошлого	,224	,165	-,082	,141	-,343**	-,108
	Структурированное настоящее	,287*	,163	,139	,067	-,127	,036
	Ощущаемость настоящего	-,112	-,077	-,014	-,143	,051	-,285*
	Ощущаемость будущего	-,076	-,077	-,110	-,252*	,117	-,101
	Сумма показателей прошлого	,137	,140	-,119	,100	-,281*	-,136
МПА	Субмиссивные	,004	,259*	,069	,107	-,005	-,070
	Атарактические	-,069	-,015	,266*	-,042	-,005	,090
	Гиперактивационные	-,023	,047	,245*	,072	-,022	,183
	Похмельные	-,088	,205	,308*	-,030	-,042	,028
	Аддиктивные	-,041	,233	,293*	,086	-,025	,140
	Самоповреждающие	-,231	,320**	,142	-,067	,041	-,114
	Сумма	,006	,256*	,316**	,066	-,024	,095

Примечания. В таблицу не включены шкалы и параметры, по которым нет статистически значимых корреляций. Нули в коэффициентах опущены. * — $p \leq 0,05$; ** — $p \leq 0,01$.

В результате анализа в группе 1 (табл. 6) обнаружены положительная корреляция между социальной идентичностью и ориентацией на «будущее», а также отрицательная корреляция с общей напряженностью алкогольной мотивации. Положительная связь обнаружена между Материальным «Я» и временной ориентацией «будущее», отрицательная корреляция — с «структурированным настоящим». Деятельное «Я» положительно взаимосвязано с «активностью будущего». Перспективная идентичность отрицательно взаимосвязана с ориентацией на «будущее», «эмоциональной окраской будущего», «структурированным настоящим», положительная корреляция обнаружена с мотивом «гиперактивации поведения», а также общей напряженностью алкогольных мотивов. Рефлексивная идентичность отрицательно коррелирует с фактором «будущее», «ощущаемостью настоящего», положительная корреляция обнаружена с мотивом самоповреждения и общей напряженностью мотивации потребления алкоголя.

Анализ корреляций в группе 2 (табл. 7) обнаружил отрицательную корреляцию между коммуникативной идентичностью и фактором времени «негативное прошлое», при этом данный параметр самоопределения положительно связан со «структурированностью настоящего». Между Материальным «Я» и показателем «гедонистическое настоящее» имеются отрицательные корреляции, положитель-

ные связи обнаружены с «субмиссивным», «самоповреждающим» мотивами, а также общим показателем выраженности аддиктивной мотивации. Физическая идентичность положительно коррелирует с такими мотивами, как «атарактический», «гиперактивационный», «похмельный», «аддиктивный», а также общей напряженностью алкогольной мотивации. Между перспективной идентичностью и «ощущаемостью будущего» выявлена отрицательная связь. Рефлексивный компонент идентичности положительно связан с временной ориентацией «негативное прошлое», но отрицательно коррелирует с «величиной» и суммарным показателем прошлого. Общий уровень рефлексии отрицательно коррелирует с «ощущаемостью настоящего».

Таким образом, результаты корреляционного анализа показали, что идентификационные характеристики тесно связаны с временными и мотивационными компонентами личности, при этом в группе пациентов из Якутска выявлено больше значимых корреляций. В целом структуры связей компонентов личностной идентичности с различными характеристиками временной перспективы и аддиктивными мотивами в двух исследованных группах больных алкоголизмом имеют сходства и различия.

Так, перспективная идентичность в исследуемых группах коррелирует со схожими показателями. В группе 1 обнаружена отрицательная корреляция с факторами «будущее», «эмоциональная окраска будущего», «структурированное настоящее», мотивом гиперактивации поведения и общей напряженностью алкогольной мотивации. Это свидетельствует о том, что отсутствие перспективной идентичности у пациентов из Санкт-Петербурга связано с пессимистичным, негативно окрашенным восприятием будущего, видением настоящего как неопределенного. Возможно, что в ситуации отсутствия перспектив стимулирующее действие алкоголя выступает в качестве средства реализации проектов и достижения целей. В группе пациентов из Якутска установлена отрицательная связь с ощущаемостью будущего, то есть, пациенты с алкогольной зависимостью не рассматривают себя в перспективе, у них отсутствует направленность на будущее, они склонны воспринимать его как замкнутое и недоступное, иначе говоря, живут сегодняшним днем.

Персональная идентичность имеет различные связи в двух группах. В группе 1 стремление к постижению и познанию себя, уход в собственную личность соотносятся с неприятием будущего, отсутствием связи с настоящим в пользу поглощенности внутренним субъективным опытом. В группе 2 при погруженности в собственное «Я» в сочетании с негативным восприятием и событийном наполнении прошлого снижается мотивационный потенциал данного временного модуса, вследствие чего пережитые события и опыт не имеют значимости и смысла.

Заключение

В результате проведенного сравнительного исследования структуры идентичности во взаимосвязи с временной перспективой личности при алкоголизме у

пациентов из Санкт-Петербурга и Республики Саха (Якутия) было установлено наличие межгрупповых различий по измеряемым показателям, которые мы склонны трактовать как кросс-культурные, нежели региональные.

Полученные данные отражают общие проблемные аспекты больных алкоголизмом, а именно отсутствие перспективной идентичности, ориентацию на негативное прошлое, выраженность действующих аддиктивных, гедонистических, атарактических мотивов и мотивацию с гиперактивацией поведения. Это позволяет сделать вывод о необходимости обращения к временным аспектам «Я», в особенности к преобразованию образа прошлого и конструированию перспективной идентичности как мотивационной составляющей продолжительного воздержания и отказа от употребления алкоголя, прежде всего для северных народов в силу специфики качества жизни больных данных регионов.

Таким образом, изучение кросс-культурных особенностей идентичности личности и временной перспективы больных алкоголизмом расширяет сферу представлений о роли этнопсихологических факторов в формировании и течении зависимости. Учет культурных и национальных особенностей необходим при разработке и применении психопрофилактических, психокоррекционных мер в отношении широкого круга психических и поведенческих нарушений, в частности аддикций. Дальнейшие сравнительные исследования с привлечением других этнических групп позволят установить как универсальные, так и специфические для различных культур механизмы возникновения и лечения алкогольной зависимости.

Список литературы

- Андреева Г.М.* Психология социального познания. М.: Аспект-Пресс, 2000. 239 с.
- Белинская Е.П.* Временные аспекты Я-концепции и идентичности // Идентичность: хрестоматия / сост. Л.Б. Шнейдер. М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2003.
- Братусь Б.С.* Психологический анализ изменений личности при алкоголизме. М., 1974. 94 с.
- Вассерман Л.И., Ерышев О.Ф., Клубова Е.Б.* Отношение к болезни, алкогольная анозогнозия и механизмы психологической защиты у больных алкоголизмом // Обзорение психиатрии и медицинской психологии имени В.М. Бехтерева. 1993. № 3. С. 13–22.
- Вассерман Л.И., Кузнецов О.Н., Ташильков В.А., Тейверлаур М., Червинская К.Р., Щелкова О.Ю.* Семантический дифференциал времени как метод психологической диагностики личности при депрессивных расстройствах: пособие для психологов и врачей. СПб.: СПбНИПНИ им. Бехтерева, 2005. 27 с.
- Головаха Е.И., Кроник А.А.* Понятие психологического времени // Категории материалистической диалектики в психологии / под ред. Л.И. Анциферовой. М., 1988. С. 199–215.
- Завьялов В.Ю.* Мотивация потребления алкоголя у больных алкоголизмом и у здоровых // Психологический журнал. 1986. № 5. С. 102–111.
- Зейгарник Б.В.* Опосредование и саморегуляция в норме и патологии // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 1981. № 2. С. 9–14.
- Зимбардо Ф., Бойд Дж.* Парадокс времени. Новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь. СПб.: Речь, 2010. 352 с.

- Иванова Н.Л., Никишина В.Б., Петраш Е.А., Верес И.* Аддиктивная идентичность: структурно-критериальный аспект // Курский научно-практический вестник «Человек и его здоровье». 2017. № 1. С. 130—135. <https://doi.org/10.21626/vestnik/2017-1/23>
- Кон И.С.* В поиске себя. Личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 1984. 335 с.
- Короленко Ц.П., Завьялов В.Ю.* Личность и алкоголь. Новосибирск: Наука, 1987. 168 с.
- Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В.* Психосоциальная аддиктология. Новосибирск: ОЛСИБ, 2001. 262 с.
- Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В., Загоруйко Е.Н.* Идентичность. Развитие. Перенасыщенность. Бегство. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2007. 472 с.
- Кузнецова С.А., Стрелков Ю.К.* Пространственно-временное структурирование жизненного пути северян // Мир психологии. 2015. № 4 (84). С. 156—167.
- Лурия А.Р.* Внутренняя картина болезни и ятрогенные заболевания. М.: Медицина, 1977.
- Мажуль Л.А.* Многоликость времени: психологические и культурные аспекты // Мир психологии. 2011. № 23. С. 16—30.
- Нестик Т.А.* Социальная психология времени: состояние и перспективы исследований // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 3. С. 5—19.
- Орлов А.Б.* «Эмпирическая» личность и ее структура // Психология самосознания: хрестоматия / ред.-сост. Д.Я. Райгородский. Самара: Бахрах-М, 2000. С. 156—173.
- Пантилеев С.Р.* Самоотношение как эмоционально-оценочная система. М.: Изд-во МГУ, 1991.
- Прокопич О.А., Яницкий М.С., Браун О.А.* Особенности временной перспективы различных культурно-ценностных типов // Вестник КемГУ. 2012. № 1 (4). С. 185—192.
- Сафуанов Ф.С., Баранова О.В., Игонин А.Л.* Клинико-психологические механизмы формирования анозогнозии больных алкоголизмом // Психологические исследования. 2011. № 2 (16). URL: <http://www.psystudy.ru/index.php/num/2011n2-16/454-safuanov-baranova-igonin16.html> (дата обращения: 20.01.2019).
- Стефаненко Т.Г.* Компоненты этнической идентичности: когнитивный, аффективный, поведенческий // Мир психологии. 2004. № 3. С. 38—43.
- Столин В.В.* Самосознание личности. М.: Изд-во МГУ, 1983.
- Сырцова А., Соколова Е.Т., Митина О.В.* Адаптация опросника временной перспективы личности Ф. Зимбардо // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 3. С. 101—109.
- Чеснокова И.И.* Проблема самосознания в психологии. М.: Наука, 1977.
- Beckwith M., Best D., Lubman D., Dingle G., Perryman C.* Predictors of flexibility in social identity among people entering a therapeutic community for substance abuse // Alcoholism Treatment Quarterly. 2015. Vol. 33. No. 1. Pp. 93—104.
- Breakwell G.M.* Coping with threatened identities. L.—N.Y.: Mithuen, 1986.
- Dingle G.A., Cruwys T., Frings D.* Social identities as pathways into and out of addiction // Frontiers in Psychology. 2015. No. 6. P. 1795. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2015.01795>
- Dingle G.A., Stark C., Cruwys T., Best D.* Breaking good: Breaking ties with social groups may be good for recovery from substance misuse // British Journal of Social. Psychology. 2015. Vol. 54. Pp. 236—254. <https://doi.org/10.1111/bjso.12081>
- Ericson E.H.* Identity, youth and crisis. L.: Faber and Faber, 1968.
- Frings D., Albery I.* The Social Identity Model of Cessation Maintenance: Formulation and initial evidence // Addictive Behaviours. 2015. Vol. 44. Pp. 35—42. <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2014.10.023>

- Frings D., Melichar L., Albery I.P.* Implicit and explicit drinker identities interactively predict in-the-moment alcohol placebo consumption // *Addictive Behaviors Reports*. 2016. Vol. 3. Pp. 86–91. <https://doi.org/10.1016/j.abrep.2016.04.002>
- Frings D., Wood K.V., Lionetti N., Albery I.P.* Tales of hope: Social identity and learning lessons from others in Alcoholics Anonymous: A test of the Social Identity Model of Cessation Maintenance // *Addictive Behaviors*. 2019. Vol. 93. Pp. 204–211. <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2019.02.004>
- Hofstede G.* *Culture's Consequences*. USA: Sage, 1980. 328 p.
- Lindgren K.P., Neighbors C., Gasser M.L., Ramirez J.J., Cvencek D.* A review of implicit and explicit substance self-concept as a predictor of alcohol and tobacco use and misuse // *The American journal of drug and alcohol abuse*. 2016. Vol. 43. No. 3. Pp. 237–246.
- Marcia J.E.* Identity in adolescence // *Handbook of adolescent psychology* / ed. by J. Adelson. N.Y.: John Wiley, 1980.
- Mead G.H.* *Selected Writings* / ed. by A.J. Reck. Indianapolis, 1964.
- Nuttin J., Lens W.* *Future time perspective and motivation: Theory and research method*. Leuven and Hillsdale, N.J.: Leuven University Press and Erlbaum, 1985.
- Tajfel H., Turner J.C.* The social identity theory of intergroup behavior // *Psychology of intergroup relations*. 2nd ed. Chicago: Nelson-Hall, 1985. Pp. 7–24.
- Turner J.C.* *Social Categorization and Self-Concept: A Social Cognitive Theory of Group Behavior* // *In Advances in Group Process: Theory and Research* / ed. by E.J. Lawler. Greenwich, Connecticut: JAI Press, 1985. Pp. 77–121.
- Turner J.C.* *Social categorization and the self-concept: A social cognitive theory of group behavior* // *Key readings in social psychology. Rediscovering social identity* / ed. by T. Postmes, N.R. Branscombe. New York, NY, US: Psychology Press, 2010. Pp. 243–272.

История статьи:

Поступила в редакцию: 6 апреля 2019

Принята к печати: 15 мая 2019

Для цитирования:

Игнат'ев П.Д., Трусова А.В. Взаимосвязь личностной идентичности и временной перспективы личности больных алкоголизмом: кросс-культурный аспект // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*. 2019. Т. 16. № 2. С. 127–146. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-2-127-146>

Сведения об авторах:

Игнат'ев Павел Дмитриевич, аспирант кафедры медицинской психологии и психофизиологии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). eLIBRARY SPIN-код: 4207-0169. E-mail: ig_pvl@mail.ru

Трусова Анна Владимировна, кандидат психологических наук, доцент кафедры медицинской психологии и психофизиологии Санкт-Петербургского государственного университета; научный сотрудник отделения лечения больных алкоголизмом Национального медицинского исследовательского центра психиатрии и неврологии имени В.М. Бехтерева (Санкт-Петербург, Россия). eLIBRARY SPIN-код: 3486-9970. E-mail: anna.v.trusova@gmail.com

Association of Personal Identity and Time Perspective in Patients with Alcohol Dependence: Cross-Cultural Research

Pavel D. Ignatev¹, Anna V. Trusova^{1,2}

¹ Saint Petersburg State University

7–9 University Emb., Saint Petersburg, 199034, Russian Federation

² V.M. Bekhterev National Research Medical Center for Psychiatry and Neurology

3 Bekhterev St., Saint Petersburg, 192019, Russian Federation

Abstract. The article presents the results of an original cross-cultural study of the identity and time perspective in alcohol-addicted patients. Based on the materials of the two examined patient groups from the Central ($N = 79$) and Arctic regions ($N = 66$) of Russia, using a set of the following psychodiagnostic methods — test of 20 statements by M. Kuhn, T. McPartland, Zimbardo Time Perspective Inventory (ZTPI), a semantic time differential and the questionnaire of motivation for alcohol consumption by V.Yu. Zavyalov (MAC) — the regional differences in the identity matrix and temporal orientations were found and described. According to the results of a clinical and psychological research, it was found that for alcohol-addicted patients in general the most significant is a reflexive identity focusing on “negative past”, while considering the past and future in the categories of “activity”, “affective sentiment”, “magnitude”. The leading alcohol use motives are hedonistic, ataractic, and activation behavior. At the same time, the communicative identity, “perceptibility” of the entire psychological time, as well as pseudocultural motive causing alcohol abuse are significantly present in the identity matrix of the patients from Saint Petersburg. In the group of patients from Yakutsk, there is a significant orientation toward a “fatalistic present”, with the “structurization” of the past, present, and future. The intergroup correlations between the various aspects of personal identity and time perspective, as well as the hierarchy of motives in patients with alcoholism in a socio-cultural context are shown. The correlation patterns between the identification characteristics and time perspective have significant differences in the two groups studied. The data obtained reflect the social specifics of the central regions, as well as the cultural characteristics of the northern nationalities with their inherent desire to avoid uncertainty. From these data, it can be concluded that the socio-psychological factors in the etiopathogenesis of alcohol dependence are significant.

Key words: personal identity; self-image; time perspective; alcohol dependence; cross-cultural research; Arctic region

References

- Andreeva, G.M. (2000). *Psikhologiya sotsial'nogo poznaniya*. Moscow: Aspekt-Press Publ. (In Russ.)
- Beckwith, M., Best, D., Lubman, D., Dingle, G., & Perryman, C. (2015). Predictors of flexibility in social identity among people entering a therapeutic community for substance abuse. *Alcoholism Treatment Quarterly*, 1(33), 93–104.
- Belinskaya, E.P. (2003). *Vremennye aspekty Ya-kontseptsii i identichnosti. Identichnost': khrestomatiya*. Moscow: MPSI Publ; Voronezh: MODEK Publ. (In Russ.)
- Bratus, B.S. (1974). *Psikhologicheskii analiz izmenenii lichnosti pri alkogolizme*. Moscow. (In Russ.)
- Breakwell, G.M. (1986). *Coping with Threatened Identities*. L.—N.Y.: Mithuen.
- Chesnokova, I.I. (1977). *Problema Samosoznaniya v Psikhologii*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)

- Dingle, G.A., Cruwys, T., & Frings, D. (2015). Social Identities as Pathways into and out of Addiction. *Frontiers Psychol.*, (6), 1795. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2015.01795>
- Dingle, G.A., Stark, C., Cruwys, T., & Best, D. (2015). Breaking good: Breaking ties with social groups may be good for recovery from substance misuse. *British Journal of Social Psychology*, 54, 236–254. <https://doi.org/10.1111/bjso.12081>
- Ericson, E.H. (1968). *Identity, Youth and Crisis*. L.: Faber and Faber.
- Frings, D., & Albery, I. (2015). The Social Identity Model of Cessation Maintenance: Formulation and initial evidence. *Addictive Behaviours*, 44, 35–42. <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2014.10.023>
- Frings, D., Melichar, L., & Albery, I.P. (2016). Implicit and explicit drinker identities interactively predict in-the-moment alcohol placebo consumption. *Addictive Behaviors Reports*, (3), 86–91. <https://doi.org/10.1016/j.abrep.2016.04.002>
- Frings, D., Wood, K.V., Lionetti, N., & Albery, I.P. (2019). Tales of hope: Social identity and learning lessons from others in Alcoholics Anonymous: A test of the Social Identity Model of Cessation Maintenance. *Addictive Behaviors*, 93, 204–211. <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2019.02.004>
- Golovakha, E.I., & Kronik, A.A. (1988). Ponyatie psikhologicheskogo vremeni. In L.I. Antsiferova (Ed.). *Kategorii materialisticheskoy dialektiki v psikhologii* (pp. 199–215). Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Hofstede, G. (1980). *Culture's Consequences*. USA: Sage.
- Ivanova, N.L., Nikishina, V.B., Petrash, E.A., & Veres, I. (2017). Addictive identity: structural and criterion aspect. *Kursk Scientific and Practical Bulletin "Man and His Health"*, (1), 130–135. <https://doi.org/10.21626/vestnik/2017-1/23> (In Russ.)
- Kon, I.S. (1984). *V poiskakh sebya: lichnost' i ee samosoznanie*. Moscow: Politizdat Publ. (In Russ.)
- Korolenko, Ts.P., & Zavyalov, V.Yu. (1987). *Lichnost' i alkogol'*. Novosibirsk: Nauka Publ. (In Russ.)
- Korolenko, Ts.P., & Dmitrieva, N.V. (2001). *Psikhosotsial'naya addiktologiya*. Novosibirsk: OLSIB Publ. (In Russ.)
- Korolenko, Ts.P., Dmitrieva, N.V., & Zagoruiko, E.N. (2007). *Identichnost'. Razvitie. Perenasyshchennost'. Begstvo*. Novosibirsk: NGPU Publ. (In Russ.)
- Kuznetsova, S.A., & Strelkov, Yu.K. (2015). Northerners' way of life space-temporal structuring. *World of Psychology*, (4), 156–167. (In Russ.)
- Lindgren, K.P., Neighbors, C., Gasser, M.L., Ramirez, J.J., & Cvencek, D. (2016). A review of implicit and explicit substance self-concept as a predictor of alcohol and tobacco use and misuse. *The American Journal of Drug and Alcohol Abuse*, 43(3), 237–246. <https://doi.org/10.1080/00952990.2016.1229324>
- Luriya, A.R. (1977). *Vnutrennyaya kartina bolezni i yatrogennye zabolevaniya*. Moscow. (In Russ.)
- Marcia, J.E. (1980). Identity in adolescence. In J. Adelson (Ed.). *Handbook of Adolescent Psychology*. N.Y.: John Wiley.
- Mazhul, L.A. (2011). Mnogolikost' vremeni: psikhologicheskie i kul'turnye aspekty. *Mir Psikhologii*, (23), 16–30. (In Russ.)
- Mead, G.H. (1964). *Selected Writings*. Indianapolis: Bobbs-Merrill.
- Nestik, T.A. (2014). Social psychology of time: actual state and prospects of researches. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 35(3), 5–19. (In Russ.)
- Nuttin, J., & Lens, W. (1985). *Future Time Perspective and Motivation: Theory and Research Method*. Leuven and Hillsdale, N.J.: Leuven University Press and Erlbaum.
- Orlov, A.B. (2000). "Empiricheskaya" lichnost' i ee struktura. Psikhologiya samosoznaniya. In D.Ya. Raigorodskii (Ed.). *Chrestomathy* (pp. 156–173). Samara: Bakhrakh-M Publ. (In Russ.)
- Pantileev, S.R. (1991). *Samootmoshenie kak emocionalno-ocenochnaya sistema*. Moscow. (In Russ.)
- Prokonich, O.A., Yanitskiy, M.S., & Braun, O.A. (2012). The peculiarities of temporal perspective of different cultural and value types. *Bulletin of Kemerovo State University*, (1), 185–192.

- Safuanov, F.S., Baranova, O.V., & Igonin, A.L. (2011). Clinical and psychological mechanisms of anosognosia development in alcoholic patients. *Psikhologicheskie Issledovaniya*, 16(2). Retrieved from: <http://www.psystudy.ru/index.php/num/2011n2-16/454-safuanov-baranova-igonin16.html> (In Russ.)
- Stefanenko, T.G. (2004). Komponenty etnicheskoy identichnosti: kognitivnyi, affektivnyi, povedencheskii. *Mir Psikhologii*, (3), 38—43. (In Russ.)
- Stolin, V.V. (1983). *Samosoznanie Lichnosti*. Moscow: MSU Publ. (In Russ.)
- Syrtsova, A., Sokolova, E.T., & Mitina, O.V. (2008). Adaptation Questionnaire on Time Perspective Zimbardo on the Russian-speaking Sample. *Psikhologicheskii Zhurnal*, (3), 101—109. (In Russ.)
- Tajfel, H., & Turner, J.C. (1985). The social identity theory of intergroup behavior. *Psychology of Intergroup Relations* (2nd ed., pp. 7—24). Chicago: Nelson-Hall.
- Turner, J.C. (2010). Social categorization and the self-concept: A social cognitive theory of group behavior. In T. Postmes & N.R. Branscombe (Eds), *Key Readings in Social Psychology. Rediscovering Social Identity* (pp. 243—272). New York, NY: Psychology Press.
- Vasserman, L.I., Eryshev, O.F., & Klubova, E.B. (1993). Otnoshenie k bolezni, alkogol'naya anozognoziya i mekhanizmy psikhologicheskoi zashchity u bol'nykh alkogolizmom. *Obozrenie Psikhiiatrii i Meditsinskoi Psikhologii imeni V.M. Bekhtereva*, (3), 13—22. (In Russ.)
- Vasserman, L.I., Kuznetsov, O.N., Tashlykov, V.A., Teyverlaur, M., Chervinskaya, K.R., & Shchelkova, O.Yu. (2005). *Semanticheskii differentsial vremeni kak metod psikhologicheskoy diagnostiki pri depressivnykh rasstroystvakh: Manual*. Saint Petersburg, SPbNIPNI imeni Bekhtereva. Publ. (In Russ.)
- Zavyalov, V.Yu. (1986). The motivation of alcohol consumption in patients with alcoholism and in healthy. *Psychological Journal*, (5), 102—111. (In Russ.)
- Zeigarnik, B.V. (1981). Oposredovanie i samoregulyaciya v norme i patologii. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, (2), 9—14. (In Russ.)
- Zimbardo P., & Boyd J. (2010). *The Time Paradox. The New Psychology of Time That Will Change Your Live*. Saint Petersburg: Rech' Publ., 352. (In Russ.)

Article history:

Received: 6 April 2019

Revised: 4 May 2019

Accepted: 15 May 2019

For citation:

Ignatev P.D., & Trusova A.V. (2019). Association of Personal Identity and Time Perspective in Patients with Alcohol Dependence: Cross-Cultural Research. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 16(2), 127—146. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-2-127-146>

Bio Notes:

Pavel D. Ignatev is Ph.D. Student at Division of Medical Psychology and Psychophysiology, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia). eLIBRARY SPIN-code: 4207-0169. E-mail: ig_pvl@mail.ru

Anna V. Trusova, Ph.D. in Psychology, is Associate Professor at Department of Psychology, Division of Medical Psychology and Psychophysiology, Saint Petersburg University, and Research Fellow at Department of Addictions, V.M. Bekhterev National Research Medical Center for Psychiatry and Neurology (Saint Petersburg, Russia). eLIBRARY SPIN-code: 3486-9970. E-mail: anna.v.trusova@gmail.com